

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-284-302>  
EDN: NGVHLP

*Научная статья / Research article*

## Русская эмиграция в Маньчжурии в период совместного советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы

Владимир Григорьевич Дацышен 

Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия  
✉ [generalhistory2005@yandex.ru](mailto:generalhistory2005@yandex.ru)

**Аннотация:** Исследуется история русской эмиграции в Маньчжурии в период совместного советско-китайского управления Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД), Северо-Восточный Китай, советско-китайское трансграничье, пути сообщения, русское зарубежье КВЖД в 1920-х гг. В центре исследования проблема деления русского населения на «советских граждан» и «эмигрантов». В работе дается критический анализ сложившихся в российской историографии подходов к изучению проблемы, взглядов и оценок современных ученых на русскую эмиграцию в Маньчжурии. Автором рассматриваются численность и состав русского населения на КВЖД, проблемы гражданства и отношения эмигрантов к Советскому Союзу. Исследование выполнено с привлечением документов из фондов региональных архивов России, а также опубликованных статистических и аналитических материалов. Автором сделан вывод о том, что все русское население КВЖД, независимо от гражданства, представляло собой относительно целостную общину русских эмигрантов. Наличие различных взглядов и политических предпочтений, социальное и классовое расслоение в сложившихся этнокультурных и геополитических условиях трансграничья позволяли эмиграции оставаться в рамках единого российского сообщества.

**Ключевые слова:** Северо-Восточный Китай, советско-китайское трансграничье, пути сообщения, русское зарубежье, Дальневосточный фронт

**Заявление о конфликте интересов:** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Финансирование:** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

**Для цитирования:** *Дацышен В.Г.* Русская эмиграция в Маньчжурии в период совместного советско-китайского управления КВЖД в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 284–302. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-284-302> EDN: NGVHLP

## Russian Émigrés in Manchuria during the Period of the CER Joint Soviet-Chinese Administration in the 1920s

Vladimir G. Datsyshen 

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia  
✉ generalhistory2005@yandex.ru

**Abstract:** The author in their work considers the history of Russian emigration in Manchuria in the period of the joint Soviet-Chinese administration of the CER in the 1920s. The study focuses on the division of the Russian population into “Soviet citizens” and “émigrés.” It provides a critical analysis of the approaches established in Russian historiography to studying this problem, as well as contemporary scholars’ views and assessments of Russian emigration in Manchuria. The author examines the size and composition of the Russian population on the CER, issues of citizenship, and the émigrés’ attitude toward the Soviet Union. The author uses documents from Russia’s regional archives, as well as published statistical and analytical materials to develop their study. They conclude that the entire Russian population of the CER, regardless of citizenship, constituted a relatively cohesive community of Russian émigrés. Diverse views and political preferences, as well as social and class divide in the ethnocultural and geopolitical conditions of the cross-border region, allowed the émigrés to remain within a unified Russian community.

**Keywords:** Northeast China, Soviet-Chinese Transboundary Area, Communication Routes, Russian Diaspora, Far Eastern Frontier

**Conflict of interests:** The author declares no conflicts of interest.

**Funding:** The study was supported by the Russian Science Foundation grant, project No. 23-48-00004 “The Chinese Eastern Railway as a transboundary socio-cultural system: history of construction, reconstruction and modeling of mechanisms for protecting cultural heritage”, <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

**For citation:** Datsyshen, V.G. “Russian Émigrés in Manchuria during the Period of the CER Joint Soviet-Chinese Administration in the 1920s.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 284–302. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-284-302> EDN: NGVHLP

### Введение

*Актуальность.* В России на разных этапах ее истории неизменный интерес вызывала тема русской эмиграции в Маньчжурии. В советско-китайском трансграничье вдоль Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) на протяжении более полувека существовал своеобразный островок старой России. В сложные периоды внутриполитических трансформаций, проходивших на фоне важных внешнеполитических изменений, проблемы русского зарубежья приобретали особую актуальность. Интерес к проблемам русской эмиграции в Северо-Восточном Китае активизировался во время Великого перелома и советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. На современном этапе истории России сложный и противоречивый опыт истории формирования и адаптации русской эмиграции вновь приобретает актуальность не только для науки, но и для современной миграционной политики России.

В состав русской эмиграции в Маньчжурии включаются практически все выехавшие из Российской империи, РСФСР, ДВР (Дальне-Восточной Республики) и СССР на постоянное или временное жительство в Маньчжурию (Северо-Восточный Китай)<sup>1</sup>, которая была особым регионом, граничившим с трех сторон с Россией, и через которую проходила железная дорога, построенная Российской империей

<sup>1</sup> В Китае этот регион называется Три Восточных Провинции (三東省) или Северо-Восток (东北).

и связывавшая Сибирь с российским Дальним Востоком. Русская эмиграция в регионе формировалась в течении длительного времени и состояла из нескольких волн. В силу геополитических, социально-экономических и культурных факторов территории, прилегающие к Китайской Восточной железной дороге, можно отнести к российско-китайскому трансграничью.

*Степень изученности проблемы.* История русской эмиграции в Северо-Восточном Китае рассматривалась на всех этапах развития отечественной исторической науки. В первых публикациях, сделанных в 1920-х – 1930-х гг., обычно подчеркивался антисоветский характер русской эмиграции в Китае, ее враждебное отношение к Советскому Союзу. Публикации советского периода не являлись в полном смысле историческими исследованиями, их авторы были современниками событий, а работы были направлены на решение не исследовательских, а политико-пропагандистских задач.

В постсоветский период развития российской исторической науки наряду с публикациями, повторяющими старые политико-пропагандистские штампы, появились и собственно исследования, посвященные проблемам русской эмиграции в Северо-Восточном Китае. Много внимания этим вопросам уделял известный китайвед Г.В. Мелихов, выпустивший серию работ по истории русской эмиграции в Маньчжурии<sup>2</sup>. До настоящего времени работы Г.В. Мелихова не только не потеряли актуальности, являются образцом исследовательской работы.

В начале 2000-х гг. в отечественной историографии появилось много работ, посвященных проблемам русской эмиграции. В работе Н.Е. Абловой «КВЖД и российская эмиграция в Китае»<sup>3</sup>, исследователь придерживается сложившейся традиции делать акцент на «белоэмигрантах», встречаются голословные, без ссылок на документы, утверждения. Принципиально не отличается подход к изложению истории русской эмиграции в Маньчжурии в изданной в том же году в Институте Дальнего Востока РАН монографии Л.Ф. Говердовской «Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.». Здесь также акцент делается на жестком противостоянии внутри русской общины: «В очень трудных и необычных условиях проходила работа русских коммунистов, рабочих и служащих КВЖД», которым «приходилось преодолевать... враждебность своих русских белогвардейцев»<sup>4</sup>. Но в работе нет конкретных примеров «враждебности» белоэмигрантов, если не считать дискуссий или листовок. Противоречивая картина истории русской эмиграции представлена в статье Я.Л. Писаревской «Две России в Манчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.)»<sup>5</sup>.

В современной российской историографии традиционно эмигрантов с советским паспортом называют «советской колонией», а «эмигрантов» отождествляют с «русскими беженцами». В работе Н.Н. Аблажей говорится, что во время советско-китайского конфликта 1929 г. «эмиграция единодушно поддержала действия китайской стороны»<sup>6</sup>. Как отмечает И.К. Капран, «начиная с 1924 г. на территории Маньчжурии

<sup>2</sup> Мелихов Г.В. *Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.)*. М., 1997. EDN: RGOYVR; Мелихов Г.В. *Белый Харбин: Середина 20-х*. М., 2003. EDN: QOWSEZ; Мелихов Г.В. *Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932*. М., 2007. EDN: QPTKEZ

<sup>3</sup> Аблова Н.Е. *КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.)*. М., 2004. С. 198–239.

<sup>4</sup> Говердовская Л.Ф. *Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.* М., 2004. С. 76. EDN: OXTAYP

<sup>5</sup> Писаревская Я.Л. *Две России в Манчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Очерки антибольшевистской эмиграции*. М., 2002. Вып. 4. С. 52–70.

<sup>6</sup> Аблажей Н.Н. *С востока на восток: Российская эмиграция в Китае*. Новосибирск, 2007. С. 87. EDN: QOPFJP

сложился феномен, когда бок о бок вынуждены были существовать граждане противоположных политических систем и идеологий<sup>7</sup>. По мнению С.Ю. Яхимовича, «советская колония» перестала «быть диаспорой»<sup>8</sup>. В статье А.А. Гладких описывается деятельность советских спецслужб против русской эмиграции, но не приводится ни одного примера террористических акций русских эмигрантов против СССР<sup>9</sup>. В 2014 г. вышло обобщающее исследование М.В. Кротовой «СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.)»<sup>10</sup>, посвященное проблемам взаимоотношения между «красными» и «белыми» эмигрантами на КВЖД. Данное исследование выводит на качественно новый уровень исследование проблемы русской эмиграции на КВЖД, но и здесь автор делит русскую эмиграцию на «советскую колонию» и «эмигрантов».

Несмотря на сохранение старых принципиальных подходов к рассмотрению истории русской эмиграции в Северо-Восточной Китае, в современной историографии все же просматриваются и новые подходы, указывающие на единство русской общины на КВЖД, независимо от гражданства и даже политических предпочтений. Уже в работах Н.Е. Абловой есть указания на условность деления русских эмигрантов на две противоположные общины<sup>11</sup>, а в обобщающей работе Н.Н. Аблажей говорилось: «Для многих русских служащих дороги начало лета 1925 г. было временем тяжелых раздумий: как лучше поступить и стоит ли торопиться с выбором гражданства?»<sup>12</sup>. С.Ю. Яхимович отмечал, что «большинством советских граждан <...> оказались русские старожилы Маньчжурии»<sup>13</sup>. В работе И.К. Капран в связи с позицией русской эмиграции во время советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. отмечается, что значительная часть русских служащих сохранила нейтралитет<sup>14</sup>. С.В. Смирнов указывает на аполитичность русской эмиграции в Китае в 1920-х гг., а М.В. Кротова указала на то, что «большинство старослужащих и беженцев, работавших на КВЖД, предпочли принятие советского гражданства увольнению»<sup>15</sup>. Я.Л. Писаревская приводит различные документы личного происхождения, указывающие на то, что различные группы русского населения КВЖД были тесно связаны между собой, при этом советские кэвэждэшники в Маньчжурии, по их собственным словам, были «своими среди чужих», а по возвращении в СССР стали «чужими среди своих»<sup>16</sup>. Е.Е. Аурилене критикует сохранение в современной историографии

<sup>7</sup> Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011. С. 54.

<sup>8</sup> Яхимович С.Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924–1935 гг.). Хабаровск, 2015. С. 42. EDN: HSEAFS

<sup>9</sup> Гладких А.А. Террористическая деятельность белоэмигрантских организаций на Дальнем Востоке и борьба с ними органов госбезопасности в 1920-е годы. // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 22–30. EDN: LATAQD

<sup>10</sup> Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. EDN: VHKTTH

<sup>11</sup> Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 127.

<sup>12</sup> Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 74.

<sup>13</sup> Яхимович С.Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924–1935 гг.). Хабаровск, 2015. С. 41. EDN: HSEAFS

<sup>14</sup> Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011. С. 56.

<sup>15</sup> Кротова М.В. Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 127. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030> EDN: TQOACD

<sup>16</sup> Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Очерки антибольшевистской эмиграции. М., 2002. Вып. 4. С. 67.

«некоего стереотипа в оценке масштабов и результатов антисоветской активности белоэмигрантов, основанном, главным образом, на отчетных документах ГПУ – ОГПУ – НКВД»<sup>17</sup>.

Таким образом, в российской историографии начала XXI в. при сохранении принципиальных подходов деления русской эмиграции в Северо-Восточном Китае на две разных общины с противоположными взглядами и политическими устремлениями, проявился и критический подход к данной точке зрения, что актуализирует проблему истории русской эмиграции на КВЖД.

*Цель исследования* – выявить положение русской эмиграции в специфических геополитических условиях русско-китайского трансграничья на КВЖД в период совместного советско-китайского управления, уточнить количественные и качественные характеристики различных групп русских, проживавших на территории Северо-Восточного Китая в 1920-х гг.

*Источниковая база.* Для исследования привлечены различные виды как опубликованных, так и неопубликованных источников, извлеченных из фондов Читинского окружного комитета ВКП(б) (Ф. П-75) Государственного архива Забайкальского края, Харбинского городского совета общественного самоуправления (Ф. 577) Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, в которых содержатся делопроизводственные документы, включая протоколы заседаний Харбинского Общества, уполномоченных Харбинского Общественного Управления, журналы Городского Совета Харбинского Общественного Управления и др. Ценным и информативным источником для нашего исследования являются черновые машинописные тексты к так и не изданному второму тому «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги», хранящиеся в личном фонде Е.Х. Нилуса в архиве Гуверовского института Стенфордского университета. Проблемы русского населения КВЖД отражались в публикациях журнала «Вестник Маньчжурии». В качестве источника привлечены публицистические издания, мемуары и воспоминания эмигрантов и реэмигрантов.

## Определение численности русского населения в Северо-Восточном Китае

Русская эмиграция в Северо-Восточном Китае начала формироваться в конце XIX в. С 1898 г. появляется полоса отчуждения КВЖД, ставшая русским анклавом в Китае. В 1920 г. китайские власти объявили о переходе в их руки всей полноты власти в полосе отчуждения КВЖД, которую переименовали в Особый район Восточных провинций (далее – ОРВП)<sup>18</sup>. Правда, процесс создания Управления Главного начальствующего<sup>19</sup> ОРВП затянулся до 1923 г. С подписанием 20 сентября 1924 г. в Мукдене (Шэньяне) «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики»<sup>20</sup> начинается новый этап истории русских в Китае. 3 октября 1924 г. Китайская Восточная железная дорога, вдоль которой жили и с которой были тесно связаны многочисленные выходцы из России, включая политических беженцев, перешла под совместное советско-китайское управление.

<sup>17</sup> Аурилен Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии: инерция гражданской войны (1920–1940-е гг.) // Новое прошлое. 2023. № 4. С. 49. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-47-63> EDN: MBPPRD

<sup>18</sup> 东省特别区 – Дуншэн тебещуй.

<sup>19</sup> 行政長官公署 – Синчжэн чжангуань гуншу.

<sup>20</sup> 中俄边界条约集 (Сборник соглашений о китайско-российской границе). Пекин, 1973. С. 218.

В современной историографии остается открытым вопрос о численности русского населения в Северо-Восточном Китае как в целом, так и по отдельным группам, в том числе в Особом районе Восточных провинций. Современники тех событий не могли привести точные цифры. В публикациях тех лет говорилось о «200 тысячном русском населении полосы отчуждения»<sup>21</sup>. И.Г. Баранов ссылался на данные Главного Полицейского Управления за 1923 г. и называл цифру проживавших в ОРВП в 238 083 чел. Из них – 133 705 китайцев, 98 997 – русских. Однако, как признавал автор, «эти данные полиции следует считать в сильной степени преуменьшенными против действительных...»<sup>22</sup>.

В современных научных публикациях даются цифры от 265 тыс.<sup>23</sup> до 70 тыс.<sup>24</sup> чел., выходцев из России в Северо-Восточном Китае. При этом отмечается значительное сокращение численности русских на КВЖД во второй половине 1920-х гг.

Данные Полицейского управления ОРВП, полученные в результате проводившейся ежегодно в летние месяцы регистрации населения, указывают на относительную стабильность численности русских эмигрантов в Особом районе Восточных провинций после установления советского управления на КВЖД и до начала советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. В 1923 г. было зарегистрировано 98 997 русских жителей ОРВП; в 1929 г. – 95 235 чел.<sup>25</sup> Здесь лишь можно отметить, что небольшое снижение численности русского населения в период советского управления произошло на фоне значительного роста представителей других национальностей, зарегистрированных в ОРВП.

По данным Полицейского управления ОРВП, приведенным сотрудником КВЖД В.А. Кормазовым, численность русских в Харбине к июню 1929 г. также немного уменьшилась – с 58 754 до 57 121 чел.<sup>26</sup> На самой южной станции КВЖД Куанченцзы русских проживало около 500 чел.<sup>27</sup> Больше всего русских проживало на приграничных с СССР станциях Пограничная и Маньчжурия. В городе Маньчжурия русские в июне 1929 г. составляли большинство населения – почти 8 тыс. чел.<sup>28</sup> На станции Бухэду, расположенной на западной линии КВЖД, в июне 1929 г. проживало более 1,7 тыс. чел. (435 семей)<sup>29</sup>. В поселке станция Цицикар проживало около 1,3 тыс. русских. В опубликованной в 1930 г. в Харбине статье «Движение населения в районе Западной линии Кит. Вост. жел. дор.» утверждалось, что на участке КВЖД от станции Маньчжурия до станции Петля русские составляли больше половины

<sup>21</sup> *Киржиц А.Д.* У порога Китая: русские в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги // Сибирские огни. Кн. 4. 1923. С. 126.

<sup>22</sup> *Баранов И.Г.* Административное устройство Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1926. № 11–12. С. 17.

<sup>23</sup> *Пятков А.* Внешнеполитическое противостояние в Дальневосточном регионе как фактор ужесточения репрессивной политики Советского государства в 20–30-е гг. XX в. // Азиатско-тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. Хабаровск, 2002. С. 147.

<sup>24</sup> *Смирнов С.В.* Советско-китайский конфликт 1929 г. и русская военная эмиграция // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2. С. 11. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.2.021> EDN: ХУКVQL; *Наземцева Е.Н.* На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб., 2016. С. 191.

<sup>25</sup> *Кормазов В.А.* Движение населения в районе Западной линии Китайско-Восточной железной дороги (Участок ст. Маньчжурия – р. Петля) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 4. С. 51.

<sup>26</sup> Там же. С. 52.

<sup>27</sup> *Горшенин А.И.* Южная линия КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1930. № 11–12. С. 54.

<sup>28</sup> *Кормазов В.А.* Движение населения... С. 53.

<sup>29</sup> *Горшенин А.И.* Южная линия КВЖД... С. 54.

местного населения. Далее, на восток, на линии Бухэду – Дуйциньшань, проживало около 6,5 тыс. выходцев из России<sup>30</sup>.

Говоря о русском населении ОРВП, необходимо отметить, что выходцы из России жили и в других населенных пунктах, вне полосы отчуждения. Они были тесно связаны с КВЖД, но, очевидно, не попадали в число зарегистрированных Полицейским управлением ОРВП. Например, в 1929 г. несколько русских жили в городе Нингута. Среди них – агент рисоочистительного завода «Слон» Н.И. Герасимов, работники местной китайской мельницы В.Н. Куксин и Зозуля, служащий датской фирмы «Вассард» Е. Гуцан и возможно другие<sup>31</sup>.

Таким образом, в Особом районе Восточных провинций в 1924–1929 гг. проживало чуть более 100 тыс. выходцев из России, в течение всего этого периода численность русской эмиграции немного уменьшилась. В приграничных с СССР районах ОРВП, а также в Харбине большинство русских эмигрантов не приняли советское гражданство. В других районах значительное большинство эмигрантов были признаны в качестве советских граждан.

В 1929 г., в связи с советско-китайским конфликтом, из Северо-Восточного Китая выехало или принудительно было вывезено значительное число русских эмигрантов. Сначала двумя партиями, 11 июля и 7 августа 1929 г. китайские власти выслали из Харбина активных членов ВКП(б) из числа сотрудников КВЖД. Часть советских граждан покинула Китай по рекомендации советских властей, намеревавшихся парализовать работу КВЖД в ответ на насильственные действия китайских властей. В докладной записке Читинского окружного комитета ВКП(б) от 25 апреля 1930 г. говорилось:

В связи с конфликтом на Китайской Восточной Желдорозе в пределы СССР выехало по разным причинам много советских подданных. После боев Красной Армии в ноябре месяце было эвакуировано из зоны боевых действий несколько тысяч человек <...>. К моменту окончания конфликта в Чите находилось эвакуированных около 3 тыс. человек<sup>32</sup>.

Разрешение на возвращение оформлялось долго, по отдельным категориям жителей КВЖД, и значительной части русских эмигрантов власти СССР не разрешили вернуться в Маньчжурию. В частности, в мае 1930 г. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б) давал указание в Читину:

Разрешить выезд членам партии, высланным из Китая, семья которых находится в Маньчжурии, не можем <...>. Семьям всех оставленных для работы в Союзе выезд их из Маньчжурии будет облегчен<sup>33</sup>.

Ограничения на возвращения эмигрантов – советских граждан были связаны с желанием большевиков обновить состав советской колонии на КВЖД за счет командированных из СССР.

На завершающем этапе конфликта советские спецслужбы из районов КВЖД, занятых Красной Армией, принудительно вывозили антисоветски настроенных эмигрантов. В «Боевой хронике» из Даурии от 23 ноября 1929 г. говорилось: «На 21 ноября

<sup>30</sup> *Кормазов В.А.* Движение населения в районе Западной линии Китайско-Восточной железной дороги (Участок ст. Бухэду – ст. Дуйциньшань) // *Вестник Маньчжурии*. 1930. № 5. С. 31–32.

<sup>31</sup> *Воейков А.Д.* Дневник поездки по Нингутскому уезду Гириной провинции // *Вестник Маньчжурии*. 1929. № 11. С. 91.

<sup>32</sup> Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 1005. Л. 57.

<sup>33</sup> Там же. Л. 61.

уже обезоружено и арестовано около 250 белых <...>. Аресты белогвардейцев продолжаются»<sup>34</sup>. Китайский краевед, рассказывая о хозяине лучших отелей на станции Маньчжурия, пишет:

В 1929 г. по окончании войны на Китайско-восточной дороге Никитин был арестован Красной армией СССР и вывезен на родину, его жена одна стала вести отель...<sup>35</sup>

Н.Н. Аблажей пишет:

От имени Хорвата последовали обращения в Лигу Наций, Международную лигу борьбы с Ш Интернационалом, к дипломатическому корпусу в Пекине и китайскому правительству с просьбой оказать содействие 400 русским эмигрантам, насильственно увезенным в СССР со станций Маньчжурия, Чжалайнон и Хайлар во время конфликта 1929 г.<sup>36</sup>

Всего в конце 1929 г. советскими спецслужбами было арестовано и вывезено в СССР около 600 русских эмигрантов.

В результате конфликта на КВЖД надежды русской интеллигенции в эмиграции на сотрудничество с СССР разрушились. Многие русские специалисты покинули Харбин, выехав в Шанхай или Европу. С другой стороны, с 1930 г. вновь началось массовое бегство из СССР в Северо-Восточный Китай. Например, по данным Н.В. Баранниковой, только за две первых недели января 1931 г. границу перешли более 700 беженцев<sup>37</sup>. Часть новой волны эмиграции пополняла население ОРВП, многие целенаправленно ехали сразу в Харбин или к родственникам, работавшим на КВЖД.

Таким образом, с 1924 по 1929 гг. численность русского населения на КВЖД была относительно стабильной и составляла около 100 тыс. чел., при наличии общей тенденции медленного ее сокращения. Активные миграционные процессы в 1929–1930 гг. в силу своей разнонаправленности мало повлияли на общие тенденции и численность русской эмиграции.

### Состав русской эмиграции

Русское население Северо-Восточного Китая никогда не было монолитно. Уже на ранних этапах его истории имело место разделение по путям «попадания» в Китай, по сфере занятости, по этнической и религиозной принадлежности, по политическим предпочтениям. Однако совместное проживание на территории другого государства в инокультурном окружении и в связи с одним крупным предприятием КВЖД способствовали интеграции мигрантов в единое региональное сообщество.

Революция 1917 г. привела к расколу внутри русской общины на КВЖД, однако факторы регионального единства все же оказались сильнее. В 1918–1924 гг. разделение внутри российского населения КВЖД на две основные группы определялось не политическими предпочтениями, а шло по линии «коренные» и беженцы. Признание правительством Китайской Республики прав Советского Союза на КВЖД

<sup>34</sup> ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 853. Л. 34.

<sup>35</sup> Ван Тэцяо (王铁樵). 100 лет Маньчжурии. В ознаменование 110-летней годовщины со дня рождения города Маньчжурия. 1901–2011 гг. Хулуьбуэр, 2011. С. 93.

<sup>36</sup> Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 131.

<sup>37</sup> Баранникова Н.В. Вынужденные эмигранты. Россияне в Маньчжурии в начале 30-х гг. XX в. (по материалам газеты «Заря») // Шестые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск, 2020. С. 275. EDN: YUFUIZ

и переход дороги под совместное советско-китайское управление привели к тому, что основной раздел российского населения в Северо-Восточном Китае прошел по линии гражданства. С.В. Смирнов пишет:

Различия между местным русским населением («кэвэжэдэками») и беженцами сначала сильные, затем менее заметные ощущались вплоть до конца 1924 г., уступив в дальнейшем место делению на советских («красных») и эмигрантов («белых»)». <sup>38</sup>

Необходимо отметить, что советская колония появилась на КВЖД еще до октября 1924 г. Как справедливо отмечает М.В. Кротова, прием документов на восстановление советского гражданства от лиц, проживавших в Маньчжурии, начался в 1923 г. <sup>39</sup>

Во второй половине 1920-х гг. русское население на КВЖД состояло в основном из приехавших в Северо-Восточный Китай выходцев из Российской империи после начала строительства КВЖД и беженцев времен Гражданской войны. Кроме этого, в качестве отдельных групп можно назвать советских людей, приехавших на работу на КВЖД в 1920-х гг., беженцев из приграничных районов Сибири и Дальнего Востока, скрывавшихся от политических репрессий и раскулачивания в 1920-х гг. В условиях, когда после объявления в СССР амнистии участникам белого движения значительная часть беженцев вернулась на родину, а многие военные выехали на службу в Шаньдунскую армию, трудовые мигранты явно преобладали над политическими. Формально же появилось три группы – граждане СССР, граждане Китайской Республики и лица без гражданства. При этом гражданство далеко не всегда совпадало с политическими предпочтениями.

Русское население Северо-Восточного Китая еще до перехода КВЖД под контроль Советского Союза в основной своей массе не было враждебно настроено к большевикам, относилось к советской власти нейтрально или даже с сочувствием. С переходом КВЖД под совместное советско-китайское управление русское население здесь не поменялось, не поменялись и настроения. На дороге остались работать эмигранты, а из СССР приехали лишь новые начальники. Из 1127 чел., принятых на КВЖД с 3 октября 1924 г. по 4 марта 1926 г., только 53 человека были командированными из СССР <sup>40</sup>.

Согласно данным, приведенным Н.Н. Аблажей, русское население Северо-Восточного Китая делилось на две равные части – советские граждане и не советские граждане <sup>41</sup>. Согласно данным, представленным в работе Н.Е. Абловой, в Маньчжурии было 50 тыс. советских граждан и 60 тыс. «эмигрантов» <sup>42</sup>. По сведениям М.В. Кротовой, больше половины русских эмигрантов в Маньчжурии приняли советское гражданство, правда, цифры разнятся от 40 до 90 тыс. чел. <sup>43</sup>

Если опираться на данные Полицейского управления ОРВП, почти везде численность русских, не принявших советское гражданство, была больше, чем совет-

<sup>38</sup> Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (Проблемы социальной адаптации). Екатеринбург, 2007. С. 28. EDN: QPNJZB

<sup>39</sup> Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 52. EDN: VHKTTX

<sup>40</sup> Кротова М.В. Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 170. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10027> EDN: XWGHNN

<sup>41</sup> Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 78. EDN: QOPFJP

<sup>42</sup> Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 127–128.

<sup>43</sup> Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 67.

ских граждан. В Харбине в июне 1929 г. проживали 30 362 русских эмигранта и 26 759 советских граждан<sup>44</sup>. В городе Маньчжурия русские в июне 1929 г. составляли большинство населения, при этом русских, учтенных в качестве советских граждан (2973 чел.), было значительно меньше, чем эмигрантов (4807 чел.). Среди советских граждан, действительно, было много приехавших на работу из СССР, так как советских семей было непропорционально меньше, чем эмигрантских, и женщин было почти в два раза меньше, в то время как в структуре населения женщин-эмигрантов было больше, чем мужчин<sup>45</sup>. В районе станции Чжалайнор советские граждане составляли всего несколько процентов от общего числа русских эмигрантов. В Хайларе советских граждан было почти в два раза меньше, чем остальных русских. В целом, на участке дороги, проходящей по приграничной с СССР Барге, советских граждан было в два раза меньше, чем русских, не пожелавших подать документы на советское гражданство<sup>46</sup>. Но далее на восток пропорции менялись: на станции Бухэду в июне 1929 г. жили 1219 чел. советских граждан (305 семей) и 494 русских эмигранта (130 семей)<sup>47</sup>. В поселке на станции Цицикар проживало 1096 советских граждан и 194 русских эмигранта. В опубликованной в 1930 г. в Харбине статье «Движение населения в районе Западной линии Кит. Вост. жел. дор.» утверждалось, что на линии Бухэду–Дуйциньшань проживало 4,7 тыс. советских граждан и 1,7 тыс. русских эмигрантов<sup>48</sup>.

Таким образом, к лету 1929 г. подавляющее большинство русских эмигрантов, проживавших на примыкающей к советской границе части территории ОРВП, советского гражданства не приняли. Что касается поселков в центральной части ОРВП, подальше от советской границы, то здесь подавляющее большинство эмигрантов стали советскими гражданами. В столице КВЖД, где проживало больше половины русских эмигрантов, принявших советское гражданство было на 10 % меньше, чем отказавшихся признать власть большевиков.

### Проблемы принятия советского гражданства

В послужных списках сотрудников КВЖД переход дороги под советское управление можно сказать: «остался незамеченным». Например, в «В документальных материалах архивного фонда Китайской восточной ж.д., в личном деле Рассохина Ивана Федоровича» было записано:

С <...> сентября 1915 по 1 сентября 1916 г. переводчиком в Заамурском округе пограничной стражи <...>. 24 февраля 1924 г. зачислен временным переводчиком Экономического бюро КВЖД. 1 октября 1926 г. назначен ст. драгоманом Экономического бюро...<sup>49</sup>

В архивной справке на В.И. Нечаева отмечено:

С 5 февраля 1913 г по 11 августа 1920 г. служил переводчиком и ст. переводчиком монгольского и китайского языков в Штабе Заамурского округа пограничной стражи и Штабе охранной стражи КВЖД <...>. 6 февраля 1922 г. зачислен на должность драгомана Русско-китайского секретариата КВЖД, 1 мая 1928 г. возложено вр. исполнение обязанностей старшего драгомана...<sup>50</sup>

<sup>44</sup> Кормазов В.А. Рост населения в Харбине и Фуцзядяне // Вестник Маньчжурии. 1930. № 7. С. 25.

<sup>45</sup> Кормазов В.А. Движение населения в районе Западной линии Китайско-Восточной железной дороги (Участок ст. Маньчжурия – р. Петля) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 4. С. 53.

<sup>46</sup> Там же. С. 57.

<sup>47</sup> Там же. С. 30.

<sup>48</sup> Там же. С. 31–32.

<sup>49</sup> ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52197. Л. 62. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B-C7U8SDPAZnWFJJZUpoZi1WcHM/view> (дата обращения: 17.07.2020).

<sup>50</sup> Там же. Л. 59. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B-C7U8SDPAZnWFJJZUpoZi1WcHM/view> (дата обращения: 17.07.2020).

Советское гражданство принимали «старые» харбинцы, жившие с дореволюционных времен. М.В. Кротова отметила: «советское гражданство пожелали взять практически все высокопоставленные чиновники КВЖД и старослужащие – инженеры, начальники служб, начальники участков, мастера, рабочие»<sup>51</sup>. Многие старые «харбинцы» с принятием гражданства получили возможность устроиться на КВЖД. Например, в 1925 г. перешел работать в Управление КВЖД преподаватель училища известный китаевед И.Г. Баранов, но после продажи КВЖД он не уехал в СССР, а остался жить и работать в Харбине.

Белоэмигранты в подавляющем большинстве охотно подавали на советское гражданство и после этого получали хорошие должности на КВЖД. При этом советская сторона не отказывала в этом и одиозным личностям. Например, бывший начальник штаба Азиатской дивизии барона Р.Ф. Унгерна П.Л. Островский в 1925 г. получил советское гражданство и был назначен начальником железнодорожной станции Чанчунь. Служивший в штабе атамана Г.М. Семенова японоведа полковник В.Н. Крылов стал советским гражданином, работал в качестве драгомана японского языка Канцелярии Правления КВЖД. Советское гражданство приняли генералы В.И. Сурин, В.Н. Касаткин, В.Н. Сухорский и др. Ходатайство на советское гражданство подали известные представители интеллигенции: профессора В.А. Рязановский, М.Н. Ершов, Е.М. Чепурковский, доцент В.Д. Маракулин, археолог В.Я. Толмачев<sup>52</sup>.

Доступные для исследователей источники и научные публикации не дают четкой картины перехода эмигрантов в советские граждане. Как правило, от подачи заявления в гражданство до его получения могло пройти несколько лет. Например, офицер Добровольческой армии Н.А. Байков в 1925 г. подал заявление на советское гражданство и сразу был принят на работу на КВЖД, а советский паспорт получил лишь в 1927 г.<sup>53</sup> Белый офицер П.А. фон Ольбрих-Северный подал прошение на советское гражданство в 1925 г., а паспорт получил лишь в 1929 г. Таким образом, во второй половине 1920-х гг. большинство русских эмигрантов, выразивших свою лояльность советской власти, были не советскими гражданами, а так называемыми «квитподданными», как называли эмигрантов, получивших квитанцию об уплате налога при подаче заявления на советское гражданство. Многие из «квитподданных» так и не получили советского гражданства.

Осложняло общую картину то обстоятельство, что русские эмигранты нередко имели по два гражданства – советское и китайское, или, получив советское гражданство, не регистрировали его в китайских органах власти. Эмигрантов, принявших китайское гражданство, при общем учете населения вообще редко выделяли отдельно. Процентное соотношение можно приблизительно выявить по косвенным данным. Например, на 1 октября 1931 г. среди студентов Политехнического института было 511 граждан СССР и 169 русских граждан Китая<sup>54</sup>.

<sup>51</sup> Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 56. EDN: VHKTTX

<sup>52</sup> Там же. С. 52.

<sup>53</sup> Кротова М.В. Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 131. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030> EDN: TQOACD

<sup>54</sup> Шаронова В.Г. Роль русской эмиграции в подготовке китайских национальных кадров (На примере Харбинского политехнического института) (1920–1932 гг.) // Китай в мировой и региональной политике: история и современность: [сборник статей: ежегодник]. М., 2020. Вып. 25. С. 407. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10024> EDN: WRYYLY

## Настроения в среде русской эмиграции и проблема «раскола»

Несмотря на то, что советско-китайскими соглашениями формально были урегулированы вопросы, связанные с положением русских эмигрантов в Китае, правовое положение советских граждан осталось противоречивым. Современники в 1926 г. утверждали:

Служащие КВЖД и советские граждане, живущие в Сев. Маньчжурии, при отсутствии правовых норм для их бытия, не могут спокойно заняться своим мирным трудом <...>. Отсутствие этих правовых норм оказывает губительное влияние на ряд других вопросов<sup>55</sup>.

Таким образом, после 1924 г. не произошло четкого правового раздела русской эмиграции на КВЖД.

В 1924 г. русские эмигранты болезненно восприняли переход КВЖД под советский контроль, но явного раскола в русской общине не произошло. Даже знаменитый приказ управляющего КВЖД А.Н. Иванова об увольнении с КВЖД русских, не принявших советское или китайское гражданство, вызвал не раскол в русской эмиграции, а кризис в советско-китайских отношениях. В начале 1925 г. советский полпред в Китайской Республике Л.М. Карахан докладывал в Москву:

Все русские, находящиеся на КВЖД, не только советские граждане, но и не советские граждане, вся верхушка управления КВЖД стоят прочно за нами и работают в большинстве своем на совесть для нас<sup>56</sup>.

Таким образом, говорить о расколе русских жителей ОРВП на две большие противостоящие друг другу группы – советскую колонию и эмигрантов нет оснований. Е.П. Таскина указывает, что все проживавшие на КВЖД русские

в условиях зарубежного проживания стремились к взаимопониманию. Если не принимать в расчет позицию политической «верхушки», среди основной массы не было ярко выраженного антагонизма...<sup>57</sup>

Надо признать наличие на КВЖД отдельных групп населения, «выпадающих» из общей эмиграции. На КВЖД имелись советские граждане, находившиеся под советской юрисдикцией и подчинявшиеся советским законам. На это, в частности, указывает наличие в рядах Красной армии в 1920-х гг. призывников из числа русских жителей Северо-Восточного Китая. Однако число таких советских граждан в Особом районе Восточных провинций было невелико и организованного сообщества они не представляли. Кроме того, призванные из Маньчжурии в Красную армию советские граждане зачастую характеризовались командованием как «антисоветски настроенные красноармейцы». В документах 26-й Златоустовской дивизии, например, фиксировались такие факты:

19 февраля перед началом строевых занятий красноармеец Горбанев /член ВЛКСМ/ передал комзвода т. Гармышеву /член ВКПб/ листовку Харбинской фашистской организации, полученную им в письме из Харбина от товарища<sup>58</sup>.

<sup>55</sup> Лиманов Е.Г. Советско-мукдэнская конференция и вопросы КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1926. № 5. С. 2.

<sup>56</sup> Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. М., 2015. Т. 2.: 1922–1926. С. 1061.

<sup>57</sup> Таскина Е.П. На перекрестке эпох и культур // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. А.П. Таскиной 2-е изд., испр. и пол. М., 2005. С. 41.

<sup>58</sup> Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 713. Л. 34.

В эмигрантской среде в 1920-е гг. имелись радикально настроенные группы пробольшевистского и антисоветского направлений. Исследователи приводят примеры активной борьбы коммунистической молодежи против тех, кто не разделял их взгляды. Около 200 чел. насчитывала подпольная «комсомольская боевая дружина» в Харбине. Но после убийства русского монархиста в 1926 г. эта организация прекратила активные насильственные действия до начала советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г.<sup>59</sup> В противовес комсомольской организации в студенческой среде Харбина было создано Русское фашистское общество, внутри которого, в свою очередь, к началу 1930-х гг. произошел раскол, завершившийся образованием Российской фашистской партии<sup>60</sup>. Оставались на КВЖД и убежденные монархисты. Председатель Монархического союза в Харбине генерал В.А. Кислицин писал в своих воспоминаниях:

Было постоянное сознание необходимости вести борьбу за освобождение Родины от большевиков. Это была главная цель существования в эмиграции<sup>61</sup>.

Однако радикализм небольших групп отчасти гасился действиями китайских властей. Например, Управление полиции в апреле 1925 г. закрыло радикальную про-советскую газету «Трибуна», а пришедшую ей на смену советскую газету «Эхо» китайские власти лишили лицензии в конце 1926 г. Препятствовали они и деятельности радикальных антисоветских групп.

Подавляющее большинство эмигрантов, подавших документы на советское гражданство, остались эмигрантами, но просто формально продемонстрировавшими свою лояльность новым властям КВЖД. Переход большинства русских функционеров КВЖД, ученых, представителей творческой интеллигенции никак не повлиял на их место в среде русской эмиграции, а лишь вызвал моральное осуждение в среде немногочисленных идейных антикоммунистов. Проживавшие в Харбине белые офицеры не стали советскими колонистами, как и идеологи белоэмигрантского движения, несмотря на подачу заявления на принятие советского гражданства. Как отмечает М.В. Кротова, вслед за «сменовеховцами», устроенными на КВЖД, – Г.Н. Диким и Н.В. Устряловым советское гражданство приняли большинство профессоров, ученых, востоковедов. Однако «в различных энциклопедиях, словарях и справочниках по истории российской эмиграции при упоминании этих людей, как правило, не указывается факт принятия ими советского гражданства»<sup>62</sup>.

На относительное единство русского эмигрантского сообщества на КВЖД указывает и тот факт, что в описаниях населенных пунктов в журнале «Вестник Маньчжурии» было представлено именно «русское население», с разбивкой по полу, возрасту, видах поселения, статусу проживания («постоянное и временное»), с выделением семей «железнодорожников», но без указания гражданства<sup>63</sup>. Иногда выделялись

<sup>59</sup> Кротова М.В. Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 146. EDN: PXEYAX

<sup>60</sup> Кротова М.В., Петин Д.И. Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 114. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124> EDN: VWEBLV

<sup>61</sup> Кислицин В.А. В огне гражданской войны. Мемуары. Харбин, 1936. С. 110.

<sup>62</sup> Кротова М.В. Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 131. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030> EDN: TQOACD

<sup>63</sup> И. П. Станции и поселки Восточной линии (продолжение) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 1. С. 44. С. 37–51.

эмигранты по национальному признаку: «760 русских, 120 татар, 18 японцев (140 домов) живут в центральном и частном поселках»<sup>64</sup>. На наличие значительного числа русских эмигрантов, не принявших советского гражданства, указывают косвенные данные. Например, в исследовании «Станции и поселки Восточной линии» была представлена такая информация:

По обычаю китайцев, все торговцы организованы в Коммерческое Общество <...> но и русские жители Эхо не отстали от них в этом отношении, образовав единственную на Восточной линии крепкую русскую группу под именем «Общество участковладельцев и домовладельцев поселков Эхо», целью которого – широкая защита своих прав на жизнь и работу в Особом Районе Восточных Провинций. Это Общество зарегистрировано китайской администрацией, пользуется всеми правами легализованных обществ<sup>65</sup>.

Относительное единство русской общины Северо-Восточного Китая заметно в вопросах школьного дела. В 1924 г. все школы КВЖД стали переходить на советские программы и стандарты, в них продолжали учиться дети эмигрантов, а учителями работали эмигранты. В 1925 г. в русских учебных заведениях КВЖД было около 12,5 тыс. учащихся и более 600 преподавателей<sup>66</sup>. Современники отмечали:

Далеко, конечно, не все родители одинаково отнеслись к новой школе. Особенно старались по части «зловейших» предсказаний бывшие представители царской политики в С. Маньчжурии и представители черной прессы<sup>67</sup>.

Однако общий вывод уже в 1926 г. был такой:

В общем же, наблюдается окончательный сдвиг родительской массы в сторону сочувствия к новой школе<sup>68</sup>.

Переход КВЖД под советское управление и формальное разделение на «советских граждан» и «эмигрантов» не фиксировался в различных сферах жизни русских в Харбине. Например, в рекламе «Русско-Китайского Политехнического института» в издании за 1925 г. говорилось лишь о русских и китайских абитуриентах, без упоминания слова «советские». Кроме того, указывалась различная «плата за учение в Институте» лишь «для сыновей железнодорожников» и «для сыновей частных лиц»<sup>69</sup>. В справочной информации о Техническом железнодорожном училище говорилось о двух группах – о «детях железнодорожных служащих» и «лицах посторонних КВЖД»<sup>70</sup>. Не говорилось о «советских» даже в рекламе «Смешанной Русско-Китайской Реальной Гимназии», работавшей по программе советских школ. В информации, размещенной в справочнике «Весь Харбин на 1926 год», также нигде не упоминалось о наличии среди жителей Харбина отдельной группы «советских» граждан.

<sup>64</sup> И.П. Станции и поселки Восточной линии (продолжение) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 2. С. 28.

<sup>65</sup> Там же. № 1. С. 50.

<sup>66</sup> Филиппович К. Советские и китайские школы на КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1926. № 5. С. 39.

<sup>67</sup> Там же.

<sup>68</sup> Там же. С. 30.

<sup>69</sup> Весь Харбин на 1925 год. Адресная и справочная книга / ред.-сост. С.Т. Тернавский. Харбин, 1925.

<sup>70</sup> Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга / ред.-сост. С.Т. Тернавский. Харбин, 1926. С. 116.

В подавляющем большинстве учебных заведений учеников вообще не делили на какие-либо группы.

Говоря об относительном единстве русского населения в Северо-Восточном Китае, можно отметить, что даже командированные из Советского Союза коммунисты разделялись в партийно-организационном отношении. Работавшие на КВЖД советские граждане состояли в нелегальном Харбинском губернском бюро ВКП(б) (с 1926 г. Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б)), подчинявшемся Дальневосточному краевому комитету ВКП(б). В общем числе советских граждан на КВЖД было несколько сотен коммунистов. Работники же советских организаций в ОРВП имели свои партийные ячейки, подчинявшиеся Бюро заграничных ячеек ВКП(б) в Москве<sup>71</sup>.

Бывшая жительница Харбина Е.П. Таскина писала:

С 1924 года <...> вся жизнь проходила под знаком, как теперь говорят, плюрализма; духовная музыка, церковные богослужения сосуществовали с празднованием 1 Мая и 7 ноября...<sup>72</sup>

Согласно утвержденному Городским Советом Харбина «Табелю неприсутственных дней»<sup>73</sup> в 1926 г., незадолго до его разгона китайскими властями, на КВЖД было 33 праздничных нерабочих дня. Было два советских праздника («Рабочий день» первого мая и «День Октябрьской революции») и пять китайских государственных праздников, а кроме того, в Харбине официально праздновались 11 православных праздников.

Во второй половине 1920-х гг. экономическое развитие Харбина позволяло эмигрантам успешно жить и без прямой связи с КВЖД. Уволенные советской администрацией с КВЖД опытные русские железнодорожники были востребованы на строительстве других железных дорог в Маньчжурии. Например, бывший управляющий КВЖД Б.В. Остроумов в 1925 г. был приглашен руководить строительством Хуайской железной дороги, идущей от Харбина на север. В воспоминаниях В.П. Шуйского говорилось, например, что в Харбине кроме электростанций КВЖД было построено много частных электростанций. Он писал:

Снабжение электрической энергией гор. Харбина развивалось также разношерстно, как и его застройка <...>. На улицах Пристань, а потом и других частей города была масса столбов обоих конкурирующих станций: Китайской и Японской. В 1926–1927 гг. Китайское о-во собралось с силами и передало постройку эл. станции и трамвая германской фирме «Сименс», которая и пустила трамвай в 1927 году. Автор работал как практикант-студент у «Сименса» и имел честь ехать на первом пробном вагоне<sup>74</sup>.

Действия советской стороны компенсировались активной позицией не принявшей советскую власть эмиграцией. Е.П. Таскина пишет:

С отменой преподавания Закона Божия в учебных заведениях Харбина встала необходимость организации специальных лекций или курсов по богословию для молодежи <...>. При ближайшем участии о. Н. Вознесенского в 1928 г. в Харбине были открыты Богословские курсы <...>. Курсы приравнивались к Духовной Семинарии...<sup>75</sup>

<sup>71</sup> *Яхимович С.Ю.* Большевицкая партийная организация внутри советской колонии в Северной Маньчжурии (1924–1931 гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. № III-2. С. 21–26. EDN: PDТАУN

<sup>72</sup> *Таскина Е.П.* На перекрестке эпох и культур // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. А.П. Таскиной 2-е изд., испр. и пол. М., 2005. С. 38.

<sup>73</sup> Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 577. Оп. 1. Д. 53. Л. 43–43 об.

<sup>74</sup> *Шуйский В.П.* Еще о Харбине // Политехник (На правах рукописи). 2 апреля 1972. № 4. С. 133.

<sup>75</sup> *Клементьев А.К.* Архиепископ Хайларский Дмитрий (Вознесенский) // На сопках Маньчжурии. Март 2006. № 126. С. 2.

История КВЖД второй половины 1920-х гг. определялась не расколом русской эмиграции, а советско-китайским противостоянием. Уже в конце 1924 г. китайские власти потребовали от СССР устранить от руководства дорогой советского управляющего А.Н. Иванова, а в начале 1926 г. его арестовали. Обострение конфликта на КВЖД в 1929 г. привело к масштабным военным действиям, и советско-китайский конфликт 1929 г. в китайской истории получил название «Китайско-советская война».

Данный конфликт показал, что основная масса русского населения была аполитична, придерживалась нейтралитета, а сам конфликт воспринимался именно как советско-китайский, а не русско-китайский. М.В. Кротова пишет: «Большинство служащих КВЖД отказались увольняться с дороги, подтвердив свою лояльность китайской администрации»<sup>76</sup>. При этом большинство русских эмигрантов сочувствовали советской стороне. Один из эмигрантов вспоминал:

И вот странное ощущение: с одной стороны, радуешься, что красные не добрались до Харбина, с другой, как приятно, что китайцы побеждены русскими<sup>77</sup>.

Вторая половина 1929 г. была временем репрессий китайских властей в отношении советских граждан, поддержавших политику большевиков. В это же время были проведены репрессии с советской стороны в отношении антисоветски настроенных эмигрантов, с обеих сторон были проведены «чистки» среди служащих на КВЖД. Тысячи русских беженцев, пострадавших от карательных акций с советской стороны, приехали в Харбин, тысячи рабочих и служащих КВЖД, которые независимо от гражданства продолжали во время конфликта работать на дороге, были уволены в 1930 г. Временное пребывание эвакуированных эмигрантов в Забайкалье усилило их антисоветские настроения. В докладной записке Читинского окружного комитета ВКП(б) от 25 апреля 1930 г. говорилось:

По непонятной причине, уже возвращены на К.В.ж.д. лица безусловно отрицательно относящиеся к СССР и по полученным письмам с мест видно, что эти лица ведут ядовитую свою пропаганду, в силу чего белогвардейская шпана поднимает голову. Выливает помой с небылицами на наш высланный актив<sup>78</sup>.

В приведенном С.В. Смирновым «Отчете Беженского комитета за 1930 г.» говорится:

Условия существования русской эмиграции в 1930 г. значительно ухудшились по сравнению с 1929 г. Причинами этого стали последствия вооруженного советско-китайского конфликта, докатившийся мировой экономической кризис <...> и новая волна беженцев из Советской России<sup>79</sup>.

Особое значение для состояния русской общины в Маньчжурии имело массовое бегство из СССР на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с начавшейся коллективизацией и угрозой голода. Исследователи пишут:

<sup>76</sup> Кротова М.В. Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 136. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030> EDN: TQOACD

<sup>77</sup> Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии. Екатеринбург, 2007. С. 76. EDN: QPNJZB

<sup>78</sup> ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 1005. Л. 60.

<sup>79</sup> Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (Проблемы социальной адаптации). Екатеринбург, 2007. С. 78. EDN: QPNJZB

Бежали сотнями и по одному человеку, жители приграничных деревень и жители центральной России. Могли пересечь границу 500–700 чел. за месяц, а могли меньше десятка. Главное то, что эта цепочка не прерывалась<sup>80</sup>.

Из среды новых беженцев выдвигались новые политические активисты и лидеры.

В начале 1930-х гг. относительное единство русской эмиграции на КВЖД, обусловленное лояльностью к Советскому Союзу, было разрушено. После начала японской агрессии в Маньчжурии, выезда значительного числа советских служащих КВЖД в СССР и многих эмигрантов – в Пекин и Шанхай, относительное единство русской эмиграции было восстановлено. Но эмигрантское сообщество харбинцев 1930-х гг. уже сильно отличалось от сообщества 1920-х, поскольку оно утратило связи с Россией и стало интегрироваться в многонациональное общество Маньчжоу-го под властью антикоминтерновской Японии.

### Заключение

История русских эмигрантов на КВЖД показывает, что общность культуры и языка, компактность проживания, включенность в единый народно-хозяйственный механизм делает неизбежным формирование единого этно-национально-регионального сообщества, несмотря на историческое прошлое и политические предпочтения. Более того, разнообразие, в том числе в части политических взглядов и даже формально-правового статуса, укрепляло сообщество, делало его более устойчивым, что и произошло в Особом районе Восточных провинций Китайской Республики.

Русское население ОРВП в период 1924–1929 гг. нельзя делить, как принято в российской историографии, на советскую колонию и эмигрантов. В Северо-Восточном Китае во второй половине 1920-х гг. проживало незначительное число работников КВЖД, приехавших из Советского Союза, и, действительно, представлявших собой «советскую колонию». Нельзя назвать «советскими колонистами» белых офицеров и генералов, многих известных представителей интеллигенции и тысячи других политэмигрантов. Подача заявления на принятие советского гражданства русскими эмигрантами была актом формальной демонстрации лояльности советской администрации КВЖД. При этом до конца 1920-х гг. значительная часть подавших прошение так и не получила паспорта, а некоторые из получивших в дальнейшем лишились советских документов. Таким образом, русская эмиграция в 1920-х гг., представлявшая собой своеобразный осколок бывшей Российской империи, становилась частью новой, советской государственности. Последствия советско-китайского конфликта 1929 г. привели к разрушению относительного единства русской эмиграции на КВЖД, сформированного на основе лояльности к СССР как преемнику дореволюционной России. Последующее развитие русской эмиграции в Маньчжурии происходило уже в иных внутривосточных и международных реалиях, как и состояние русской общины на КВЖД определялось влиянием новых факторов.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.09.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.02.2026

<sup>80</sup> Баранникова Н.В. Вынужденные эмигранты. Россияне в Маньчжурии в начале 30-х гг. XX в. (по материалам газеты «Заря») // Шестые архивные научные чтения им. В.И. Чернышевой: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск, 2020. С. 276. EDN: YUFUIZ

## References

- Ablazhey, N.N. *Sibirskoe oblastnichestvo v emigratsii* [Siberian regionalism in emigration]. Novosibirsk: Издательство Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From East to East: Russian Emigration in China]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskoe otделение RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Ablova, N.E. *KVZHD i rossiiskaia emigratsiia v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaia polovina XX v.)* [CER and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the 20th century)]. Moscow: NP ID «Russkaia panorama» Publ., 2004 (in Russian).
- Aurilene, E.E. “Russian Emigration in Manchuria: Inertia of Civil War (1920–1940s).” *The New Past*, no. 4 (2023): 47–63 (in Russian), <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-4-47-63>
- Barannikova, N.V. “Vynuzhdennye emigranty. Rossiiane v Man'chzhurii v nachale 30-kh gg. XX v. (po materialam gazety «Zarya») [Forced Emigrants. Russians in Manchuria in the Early 1930s (Based on Materials from the Zarya Newspaper)].” In *Shestye arkhivnye nauchnye chteniia imeni V.I. Chernyshevoi: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Dal'nii Vostok Rossii: ot proshlogo k budushchemu*”, 274–277. Khabarovsk: OOO «Amurprint» Publ., 2020 (in Russian).
- Gladkikh, A.A. “Terrorist activity of white emigrant organizations in the Far East and the struggle against them conducted by the state security bodies in the 1920s.” *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 5 (2009): 22–30 (in Russian).
- Goverdovskaya, L.F. *Obshchestvenno-politicheskaia i kul'turnaia deiatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae v 1917–1931 gg.* [Socio-political and cultural activities of Russian emigration in China in 1917–1931]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka Publ., 2004 (in Russian).
- Kapran, I.K. *Povsednevnaia zhizn' russkogo naseleniia Kharbina (konets XIX v. – 50-e gg. XX v.)* [Everyday life of the Russian population of Harbin (late 19th century – 1950s)]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta Publ., 2011 (in Russian).
- Kislitsin, V.A. *V ogne grazhdanskoi voiny. Memuary* [In the Fire of Civil War. Memoirs]. Harbin: Izdatel'stvo «Nash put'» Publ., 1936 (in Russian).
- Krotova, M.V. “Soviet presence on the Chinese Eastern Railroad (CER) (1924–1935).” *Far Eastern Studies*, no. 1 (2013): 139–150 (in Russian).
- Krotova, M.V. *SSSR i rossiiskaia emigratsiia v Man'chzhurii (1920–1930-e gg.)* [The USSR and Russian emigration in Manchuria (1920–1930s)]. St. Petersburg: Asterion Publ., 2014 (in Russian).
- Krotova, M.V. “CER employees personal files as the source for the study of the Russian presence in Manchuria.” *Petersburg Historical Journal*, no. 2 (2014): 125–136 (in Russian), <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00030>
- Krotova, M.V. “History lessons: features of the Sino-Soviet management of CER in the 1920's.” *Comparative Politics Russia*, no. 2 (2020): 166–176 (in Russian), <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10027>
- Kryukov, V.M., and Kryukov, M.V. *Vesna i osen' revolyutsionnoi diplomatii: Pervoe desyatiletie sovetской politiki v Kitae. 1922–1926* [Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Policy in China. 1922–1926]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2015 (in Russian).
- Krotova, M.V., and Petin, D.I. “The fate of Harbin repatriate in the mirror of anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002).” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 110–124 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124>
- Melikhov, G.V. *Rossiiskaia emigratsiia v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., 1997 (in Russian).
- Melikhov, G.V. *Belyi Kharbin: Seredina 20-kh* [White Harbin: Mid-20s]. Moscow: Russkii put' Publ., 2003 (in Russian).
- Melikhov, G.V. *Rossiiskaia emigratsiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh na Dal'nem Vostoke, 1925–1932* [Russian emigration in international relations in the Far East, 1925–1932]. Moscow: Vikmo-M Publ.; Russkiy put' Publ., 2007 (in Russian).
- Nazemtseva, E.N. *Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitaiskikh otnosheniakh (1920–1940-ye gg.)* [At the diplomatic level: problems of the legal status of Russian emigrants in China in Soviet-Chinese relations (1920–1940s)]. St. Petersburg: Aletyia Publ., 2016 (in Russian).

- Pisarevskaya, Ya. L. “Dve Rossii v Manchzhurii: sotsial’naia adaptatsiia i reemigratsiia (20-e – nachalo 30-kh gg.) [Two Russias in Manchuria: Social Adaptation and Re-Emigration (1920s – Early 1930s)].” In *Ocherki antibol’shevistskoi emigratsii*, 52–70. Moscow: Izdatel’stvo Ippolitova Publ., 2002 (in Russian).
- Pyatkov, A. “Vneshnepoliticheskoe protivostoianie v Dal’nevostochnom regione kak faktor uzhestocheniia repressivnoi politiki Sovetskogo gosudarstva v 20–30-e gg. XX v. [Foreign policy confrontation in the Far Eastern region as a factor in the tightening of the repressive policy of the Soviet state in the 1920s–1930s].” In *Aziatsko-tikhookeanskii region v global’noi politike, ekonomike i kul’ture XXI veka*, 132–152. Khabarovsk: [N.s.], 2002 (in Russian).
- Sharonova, V.G. “Rol’ russkoi emigratsii v podgotovke kitaiskikh kadrov (na primere Kharbinskogo politekhnicheskogo instituta (1920–1932) [The Role of Russian Emigration in the Training of Chinese National Staff (on the Example of Harbin Polytechnic Institute (1920–1932)].” In *Kitai v mirovoi i regional’noi politike: istoriia i sovremennost’*: [sbornik statei: ezhegodnik], 400–416. Moscow: Institut Dal’nego Vostoka RAN Publ., 2020 (in Russian), <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10024>
- Smirnov, S.V. *Rossiiskie emigranty v Severnoi Man’chzhurii v 1920–1945 gg. (Problemy sotsial’noi adaptatsii)* [Russian emigrants in Northern Manchuria in 1920–1945 (Problems of social adaptation)]. Yekaterinburg: Ural’skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2007 (in Russian).
- Smirnov, S.V. “The Sino-Soviet Conflict of 1929 and Russian Military Emigration.” *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts* 20, no. 2 (2018): 9–22 (in Russian), <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.2.021>
- Taskina, E.P. “Na perekrestke epokh i kul’tur [At the Crossroads of Eras and Cultures].” In *Russkii Kharbin*, 35–49. Moscow: Izdatel’stvo MGU: Nauka Publ., 2005 (in Russian).
- Wang, Tiejiao. *100 let Man’chzhurii. V oznamenovanie 110-letnei godovshchiny so dnya rozhdeniia goroda Man’chzhurii. 1901–2011 gg.* [100 Years of Manchuria. In Commemoration of the 110th Anniversary of the City of Manchuria. 1901–2011]. Hulunbuer: Izdatel’stvo «Kul’tura Avtonomnogo raiona Vnutrennyia Mongolii» Publ., 2011 (in Russian).
- Yakhimovich, S.Yu. “The bolshevik party organization as part of the Soviet Community in the northern Manchuria (1924–1931).” *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amour State Technical University*, no. III-2 (2012): 21–26 (in Russian).
- Yakhimovich, S.Yu. *Sovetskie grazhdane v Severnoi Man’chzhurii (1924–1935 gg.)* [Soviet citizens in Northern Manchuria (1924–1935)]. Khabarovsk: Dal’nevostochnyi iuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni I.F. Shilova Publ., 2015 (in Russian).

### Информация об авторе / Information about the author

**Владимир Григорьевич Дацышен**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, мировых и религиозных цивилизаций, Сибирский Федеральный университет; Россия, 660041, Красноярск, Свободный просп., 79; [generalhistory2005@yandex.ru](mailto:generalhistory2005@yandex.ru); <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>; SPIN-код: 2690-9973.

**Vladimir Grigorievich Datsyshen**, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of History of Russia, World and Religious Civilizations, Siberian Federal University; 79, Svobodny Prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russia; [generalhistory2005@yandex.ru](mailto:generalhistory2005@yandex.ru); <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>; SPIN-code: 2690-9973.